

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 4



СОСЕД СВЕРХУ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Сосед сверху

<https://litres.ru/74076059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина вынуждена переехать в старую хрущёвку на окраине города. Первая ночь — кошмар: сверху доносится грохот. Кто-то передвигает мебель, ходит, скрипит половицами. Жалобы бесполезны. Соседи отмахиваются. Участковый советует не обращать внимания.

Алина начинает записывать звуки, вести дневник шумов. Она пытается понять, кто живёт над ней, и почему все делают вид, что квартира на пятом этаже пустует.

С каждым днём звуки становятся тревожнее. Она находит на столе ключ от чужой квартиры. Слышит женский голос сквозь стены. Понимает: кто-то знает о ней каждое слово, каждый шаг, каждый сон.

Алина оказывается в центре чужой одержимости. Ей предстоит узнать, что скрывается за дверью, которую все считают запёртой, и почему те, кто жил здесь до неё, исчезали. Правда окажется страшнее любых догадок.

«Сосед сверху» — четвёртая книга серии «ПАЗЛ», автономный триллер-пазл о том, как звуки становятся оружием, а тишина — единственным спасением. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГРОХОТ	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сосед сверху

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Первый звук она запомнила навсегда.

Не крик. Не взрыв. Не женский голос, зовущий на помощь, — она переслушала эту запись сто раз, и там не было слов, только воздух, выходящий из лёгких со свистом, и потом глухой удар, будто кто-то уронил мешок с картошкой.

Это было в тринадцать ночи.

Она тогда ещё не знала, что сосед сверху двигает мебель. Она вообще не знала, что у неё есть сосед сверху, — въехала две недели назад, видела в подъезде только старуху с первого этажа и парня в форме, который курил на лестнице. Квартира на пятом этаже пустовала, ей сказали в управляющей компании. Пустовала год, два, может, пять. Никто не знал точно.

Но в ту ночь кто-то был там.

Она лежала на диване в гостиной, смотрела в потолок и считала трещины. Их было семь. Три тонкие, расходящиеся от люстры к углам, четыре глубокие, похожие на разряды молний, залитые жёлтой шпаклёвкой. Восьмая появилась на следующее утро — и каждое утро появлялась новая, как будто сверху давили, продавливали бетон, и он трещал, но не падал.

Она включила диктофон. Не знала зачем, просто захотелось записать. Грохот сверху гремел пятнадцать секунд, по-

том скрип, потом тишина, потом снова грохот. Так пять раз. Шестой не случился. Вместо него пришёл тот самый звук — выдох, свист, удар.

Она перемотала запись, поставила на паузу, снова включила. Двадцать раз. На двадцать первом она поняла, что это был не удар мебели. Это было тело.

Она не знала, чьё. Она не знала, живое оно или мёртвое. Она знала только, что звук остался на плёнке, и если она сотрёт его, никто никогда не узнает, что в ту ночь наверху что-то произошло.

Она не стёрла.

Алина сидела на кухне до самого утра, глядя в телефон. На экране — чёрный прямоугольник аудиофайла. Длина — две минуты сорок три секунды. Она дала ему имя. Одно слово.

«Ночь_1».

И в тот момент, когда она нажала «сохранить», сверху раздался стук. Три удара. Пауза. Ещё три. Она подняла голову.

Потолок на кухне был мокрым. Серая выпуклость в центре, тёмное пятно у люстры, капли воды на обоях. Она коснулась пальцем — влажно, холодно, пахнет сырой штукатуркой и чем-то ещё, металлическим, кислым.

Стук повторился.

Она отшатнулась. Не потому что испугалась — она уже не могла бояться, — а потому что поняла: там, наверху, кто-то знает, что она слушает. Кто-то отвечает на её молчание.

Она посмотрела на диктофон. Красная кнопка записи мигала, но она не нажимала её. Она просто смотрела на потолок и ждала, что он провалится, и тогда она увидит того, кто стучит.

Потолок не провалился.

Но через месяц он провалится.

И когда это случится, Алина уже будет знать все звуки, которые издаёт её дом. Она будет знать шаги соседа сверху, его дыхание, его походку, его шёпот. Она будет знать, что он никогда не выходит из квартиры по ночам, никогда не открывает дверь, никогда не говорит вслух — только шёпотом, через пол, через трещины, через трубы отопления.

Она будет знать, что его зовут Николай Петрович Шведов. И что он был звукорежиссёром.

Она будет знать всё, кроме одного.

Почему он выбрал именно её.

Утром она не пошла в полицию. Не позвонила в управляющую компанию. Не написала в чат дома.

Она выключила диктофон, убрала телефон в карман и пошла на кухню заваривать чай.

Потолок капал. Ровно, мерно, как метроном.

Она заварила чай, села за стол и открыла ноутбук. На экране — пустой документ. Она напечатала:

«Дневник шумов. Квартира 15. Начало: 14 октября».

Под ним — дата, время, описание звука.

«03:17. Грохот. 15 секунд. Мебель. 03:22. Скрип. 03:27. Грохот. 03:32. Тишина. 03:35. Выдох. Свист. Удар. 03:36. Стук. Три раза. Пауза. Ещё три».

Она сохранила файл. Назвала «Шум_дневник».

И в этот момент телефон завибрировал. Она взяла — уведомление от приложения «Умный домофон». Она установила его, чтобы открывать входную дверь с телефона. На экране — чёрно-белое видео с камеры подъезда.

Там стоял мужчина в сером тренировочном костюме.

Он смотрел прямо в объектив. Лысый, с глубоко посаженными глазами, с бледным лицом, как у человека, который не выходил на свет много лет.

Он поднял руку и постучал по стеклу камеры.

Три удара. Пауза. Ещё три.

Алина замерла. Она не знала, видит ли он её через камеру. Не знала, знает ли, что она смотрит на экран.

Но он улыбнулся. Широко, обнажив жёлтые зубы. И прошептал — она не услышала звука, но прочитала по губам: «Слышу тебя».

Камера отключилась. Экран погас.

Алина сидела, глядя на чёрный прямоугольник, и её руки дрожали так, что чашка с чаем опрокинулась на стол. Горячая жидкость растеклась по клавиатуре, но она не заметила.

Она смотрела на экран, где только что была улыбка соседа.

И понимала, что дневник шумов ей больше не нужен.
Теперь он знает, где она живёт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГРОХОТ

Глава 1

Алина проснулась от того, что кто-то дышит ей в затылок.

Она резко обернулась — пусто. Комната залита утренним светом, серым и бесцветным, как всегда в октябре. На подушке — только её волосы, вмятина от головы, складка от простыни, которая съехала на пол. Дышать некому.

Но она слышала дыхание.

Она сидела на кровати три минуты, глядя на дверь. Закрыта. Задвижка — на месте. Никто не входил. Она проверила: под кроватью пусто, в шкафу пусто, за шторой пусто. Только ветер с улицы, тонкий и противный, сочится через щели в раме.

Алина выдохнула. Встала. Прошла в коридор, заглянула в ванную. Зеркало запотело — она не мылась, значит, пар пришёл из труб. Старые трубы, ржавые, они дышат паром по утрам, потому что соседи сверху включают горячую воду. Она знала это.

Она знала это.

Но всё равно проверила.

Ванная была пуста. Туалет пуст. Коридор пуст. Она заглянула в кухню — и остановилась.

На столе лежал ключ.

Не её ключ. У неё было два ключа от квартиры: один на связке с брелоком, второй под ковриком у двери. Она никогда не оставляла ключи на столе. Этот был другим — старым, тёмным, с облупившейся позолотой, с длинной ножкой и бородкой, выпиленной в форме креста.

Она взяла его двумя пальцами, как берут дохлого таракана. Холодный, тяжёлый. На кольце — клочок бумаги, оторванный от тетради, с одной надписью шариковой ручкой: «25».

Пятая квартира на пятом этаже.

Алина сжала ключ в кулаке. Она не поднималась на пятый этаж ни разу за две недели. Она вообще старалась не выходить из квартиры, потому что на лестнице пахло сыростью, а у входной двери всегда кто-то стоял — то ли сосед, то ли почтальон, то ли просто тень. Она слышала, как затихают шаги, когда она подходит к двери.

Она положила ключ обратно на стол. Села. Сделала глубокий вдох.

Вчера она видела его в домофоне. В сером костюме, лысого, с улыбкой. Он постучал по камере три раза. Он знает её имя. Он знает, где она живёт. И теперь у неё на столе лежит ключ от его квартиры.

Она не брала этот ключ. Она не открывала дверь. Никто не входил.

Значит, он был здесь.

Пока она спала.

Она медленно перевела взгляд на потолок. Над кухней — пятно сырости, которое растёт с каждым днём. Сейчас оно было похоже на лицо: два круга — глаза, продолговатое пятно — нос, кривая линия — рот. Лицо смотрело на неё.

Алина не верила в лица на потолке. Она верила в то, что может объяснить. Трещина, сырость, плесень, грибок. Всё это можно объяснить.

Ключ на столе объяснить было нельзя.

Она взяла телефон и открыла чат дома. Там было двенадцать человек, но писали только двое — Галина Петровна с первого этажа и Максим, участковый, который иногда отвечал на жалобы.

Алина напечатала:

«У меня вопрос. Кто живёт в квартире 25?»

Отправила.

Ждала. Три минуты. Пять. Тишина.

Она закрыла чат, открыла поиск и набрала: «Николай Петрович Шведов».

Результатов не было. Никаких. Ни страницы ВКонтакте, ни Одноклассников, ни упоминаний в новостях, ни судебных дел. Только одна ссылка — на архив газеты «Городские вести» за 2014 год. Заметка на третьей полосе: «Уволен звуко-режиссёр местного телеканала. Причина — нарушение трудовой дисциплины».

Больше ничего.

Она ещё раз посмотрела на ключ. Потом на потолок.

Потом на телефон — в чате дома появилось новое сообщение.

Галина Петровна:

«Алёночка, ты чего? Там же никто не живёт. Квартира 25 пустует лет десять».

Алина перечитала сообщение три раза.

Потом посмотрела на ключ. Потом на потолок, где пятно сырости улыбалось ей беззубым ртом.

Она подошла к входной двери, вставила ключ в замок и повернула. Он подошёл.

И в этот момент сверху раздался стук.

Три удара.

Пауза.

Ещё три.

Алина повернула голову к потолку. Стук повторился, но теперь он был громче, будто кто-то бил ногой в пол прямо над её головой.

Она не шевелилась.

И тогда стук прекратился.

А вместо него раздался голос — громкий, чёткий, через бетон, через трубы, через слои старой краски и штукатурки.

«Ты нашла ключ, Алина».

Она не могла дышать. Она стояла у двери, сжимая в руке ключ, и смотрела вверх.

«Приходи», — сказал голос. — «Я жду».

Сверху заиграла музыка.

Она не знала, что это за мелодия. Длинная, тягучая, на одной ноте, как будто кто-то зажал клавишу пианино и не отпускал.

Алина повернула ключ в замке — наоборот, чтобы вытащить. Но ключ застрял. Она дёрнула. Не выходит.

Она рванула сильнее — и ключ сломался.

Половина осталась в замке.

Она смотрела на обломок в своей руке. Потом на дверь. Потом на потолок.

Музыка сверху затихла.

И голос сказал тихо, почти ласково:

«Теперь ты не сможешь уйти».

Глава 2

Алина стояла у двери и смотрела на торчащий из замка обломок ключа. Металл блестел тускло, как зуб, застрявший в десне. Она попыталась подцепить его ногтями — безуспешно. Ногти скользили по гладкой поверхности, царапали, но не цепляли. Она взяла пинцет из аптечки, зажала обломок, потянула. Он не поддавался. Тогда она взяла тонкие плоскогубцы — те самые, которыми бабушка когда-то перекусывала проволоку. Сжала, потянула, сильнее, ещё сильнее. Обломок даже не шелохнулся. Сидел в замке мёртво, будто врос.

Она бросила плоскогубцы на пол и выругалась. Тихо, зло, смачно, как когда-то ругался её отец. Она не ругалась обычно, но сейчас слова пришли сами — грязные, тягучие, они повисли в воздухе кухни и растворились в запахе сырости.

Алина взяла телефон. Нашла номер управляющей компании. Набрала. Длинные гудки, голос автоответчика: «Ваш звонок очень важен для нас, ожидайте, пожалуйста». Музыка — попсовая, бодрая, совершенно неуместная в семь утра. Она ждала. Минуту. Две. Пять. На шестой минуте в трубке щёлкнуло, и женский голос сказал:

— Управляющая компания «ДомСервис». Лариса Викторовна слушает.

— Здравствуйте, это Алина Соболева, квартира пятна-

дцать. У меня сломался ключ в замке, я не могу выйти из квартиры, и мастер мне нужен срочно.

— Сломался ключ, говорите? — голос Ларисы Викторовны был ровным, безразличным, как у человека, который слышит это в сотый раз. — А вы пробовали смазать замок?

— Я не могу даже повернуть, — сказала Алина, сжимая телефон. — Там обломок застрял. Мне нужен слесарь. Сегодня.

— Сегодня не получится, — Лариса Викторовна вздохнула. — У нас все мастера на объектах. Ближайшее окно — пятница. К обеду. Можем прислать к двум часам.

— Но у меня работа, — сказала Алина. — Я не могу выйти. Мне нужно к врачу. Я заперта здесь.

— У вас есть вода? — спросила Лариса Викторовна.

— Что?

— Вода в кране есть?

— Есть.

— Отопление работает?

— Работает, но я не об этом...

— Ну и хорошо, — перебила Лариса Викторовна. — Значит, вы не умрёте до пятницы. В пятницу вам откроют. Ждите.

И положила трубку.

Алина смотрела на тёмный экран телефона. Она не верила, что разговор закончился вот так, просто, без объяснений, без попытки помочь. Она перезвонила. Сбросили. Ещё раз.

Сбросили. Она написала в чат управляющей компании — сообщение ушло, прочитано, ответа нет.

Она осталась одна.

Алина прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Холодный металл впивался в лопатки через тонкую футболку. Она не могла выйти. Она была заперта. В собственной квартире. Ключ, который она нашла на столе, не принадлежал ей. Ключ, который открывал чужую дверь, сломался в её замке. И сосед сверху знал об этом.

Она подняла голову.

И слышала шаги.

Тяжёлые. Размеренные. От угла до угла. Над её головой, через бетонное перекрытие, через старую штукатурку и слои краски. Шаг — пауза — шаг — пауза. Как маятник. Как метроном. Человек ходил по комнате на пятом этаже, и каждый шаг отдавался в её груди, как удар.

Она замерла. Слушала. Шаги шли из угла в угол, потом останавливались, потом снова. Она насчитала двадцать три шага. Потом они стихли. Тишина длилась несколько секунд. Потом шаги возобновились — теперь быстрее, как будто кто-то бегал по комнате кругами. Или танцевал.

Алина взяла телефон. Открыла диктофон. Нажала запись. Она поднесла телефон к потолку и стояла так, закинув голову, слушая, как телефон впитывает звуки.

Шаги. Скрип половиц. Ещё шаги. Где-то далеко — звук льющейся воды. И вдруг — резкая тишина.

Шаги прекратились.

Алина смотрела на экран. Запись шла, секунды бежали, но звука больше не было. Она уже хотела остановить, как вдруг из динамика донёсся голос.

Женский. Тихий. Словно шёпот через слой ваты.

«Не молчи».

Алина отдернула телефон от уха, как будто он обжёт её. Она перемотала запись на несколько секунд назад, поставила на паузу, снова включила.

Тишина.

Шаги.

И снова — отчётливо, ясно, как будто кто-то стоял рядом с ней и шептал в ухо:

«Не молчи».

Она уронила телефон на пол. Он глухо ударился о линолеум, экран треснул, но запись продолжалась. Алина не могла дышать. Она смотрела на потолок, на то самое пятно сырости, которое росло и расплзлось как живое.

Над ней — никого. Только старуха, которая открыла дверь Максиму. Только пустая квартира, по которой ходят шаги.

Но голос был.

Она нажала «стоп». Сохранила запись. Поставила её на повтор. И слушала снова. Шаги, скрип, шёпот: «Не молчи». Она перемотала, приблизила, отдалила. Голос был настоящим. И он был женским.

Она подняла телефон с пола. Экран покрылся паутиной

трещин, но диктофон работал. Она убрала его в карман и снова посмотрела на замок. Обломок ключа всё ещё торчал из скважины, как маленькая железная насмешка.

Она могла бы попытаться ещё раз. Могла бы выбить дверь. Могла бы кричать в окно, звать на помощь.

Но вместо этого она села на корточки и прижалась ухом к полу. К тому самому полу, под которым проходили трубы отопления. Она прислушалась. Дом дышал — вода в трубах гудела, где-то капал кран, ветер завывал в вентиляции. Алина закрыла глаза и вслушивалась в эти звуки, как музыку.

И среди них — снова, отчётливо, будто из-под земли:
«Алина...»

Она вскочила. Сердце колотилось, руки дрожали. Она не могла понять, где источник звука — сверху, снизу, сбоку, внутри стен. Дом говорил с ней. Или кто-то в нём говорил через стены.

Она подошла к входной двери, постучала костяшками пальцев по металлу — три раза, пауза, ещё три. На всякий случай. Просто чтобы услышать, ответит ли кто-то.

И с верхнего этажа, из-за бетонного перекрытия, пришёл ответ.

Три удара. Пауза. Ещё три.

Алина отступила на шаг. Потом ещё на шаг. Она вжалась в стену коридора, прижала ладони к холодным обоям и смотрела на дверь.

Она знала: сейчас он спустится. Он услышал её стук. Он

ответил. Он идёт.

И в этот момент за дверью раздался звук шагов. Не сверху. С лестницы. Кто-то поднимался по ступеням. Медленно, тяжело, с остановкой на каждой площадке.

Алина затаила дыхание. Шаги приближались. Она слышала их всё отчётливее, и каждый новый шаг отзывался в груди.

Шаги остановились у её двери.

Она не шевелилась. Не дышала. Глядела на дверной глазок — круглое стекло, за которым был коридор.

И вдруг глазок потемнел.

Кто-то стоял снаружи и смотрел внутрь.

Алина прижала руку ко рту, чтобы не закричать. Она не знала, видит ли он её. Она не знала, слышит ли он, как колотится её сердце.

Она смотрела в глазок. Он был чёрным. И в этом чёрном ничего не было.

И тогда снаружи раздался голос. Тот самый. Низкий, хриплый, который она слышала через потолок минуту назад.

«Ты стучала, Алина. Я пришёл».

Тишина.

А потом он добавил — тихо, почти нежно:

«Открой».

Глава 3

Алина не открыла.

Она стояла за дверью, прижав ладони к холодному металлу, и слушала, как затихают шаги на лестнице. Медленно, тяжело, с остановкой на каждой площадке. Сначала вниз, потом — тишина. Он ушёл. Но она не могла пошевелиться ещё долго, пока пульс не вернулся к норме.

Тогда она взяла телефон и открыла запись.

Там были шаги, скрип, тишина — и голос. Женский. Отчётливый. Алина поставила запись на паузу, перемотала в самое начало, где был только фоновый шум. Включила. Слушала. Пустой звук — ветер в трубах, гул воды, далёкий шум машин за окном.

Голоса не было.

Она перемотала на ту минуту, где его запомнила. Поставила на повтор. Снова. Тишина, шаги, тишина. Никакого шёпота. Она приблизила звук, отдалила, переключила наушники, потом динамик. Голос исчез. Как будто его и не было.

Алина откинулась на спинку стула. Посмотрела на телефон, на чашку остывшего чая, на дыру в замке, откуда торчал обломок ключа. Она закрыла глаза и заставила себя дышать медленно и глубоко.

Галлюцинация. Слуховая галлюцинация. Она читала об этом — когда человек долго живёт в стрессе, мозг начинает

дорисовывать звуки, которых нет. Шаги, голоса, стуки. Это называется парейдолия. Или просто — срыв.

Она не спала три ночи. Она не ела нормально. Она сидела в этой квартире одна, без окон во двор, и слушала, как потолок трещит над головой. Конечно, у неё начались галлюцинации.

Алина встала, подошла к раковине и умылась ледяной водой. Посмотрела на себя в зеркало — бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы спутаны. Она выглядела как сумасшедшая. Она чувствовала себя как сумасшедшая.

Она взяла телефон и набрала 112.

Гудки. Долгие, тягучие. Потом женский голос: «Все операторы заняты, оставайтесь на линии». Музыка. Попсовая, бодрая, как в управляющей компании. Она ждала пять минут, потом десять. Музыка не прекращалась. Она сбросила звонок.

Попробовала снова. Опять занято. Ещё раз — сброс.

Она написала в чат дома. Сообщение ушло в пустоту, никто не отвечал. Она уже хотела закрыть приложение, как вдруг появилась зелёная точка — кто-то печатал. Галина Петровна.

«Алёночка, ты жива?»

Алина быстро напечатала:

«Галина Петровна, у меня тут странные вещи происходят. Сосед сверху, квартира 25, там кто-то живёт. Я слышу шаги, стуки, голоса. Участковый сказал, что там старуха, но я ви-

дела в домофоне мужчину. Мне кажется, я схожу с ума».

Она отправила.

Ждала. Три минуты. Пять.

Ответ пришёл неожиданно, коротко и без смайликов:

«Ты не первая, кто жалуется на шум сверху. Приходи ко мне на чай. Первый этаж, квартира 3. Через час».

Алина перечитала сообщение. «Ты не первая». Значит, до неё кто-то ещё жаловался. Значит, это не галлюцинации. Она быстро написала:

«Спасибо. Я приду».

Она посмотрела на замок, потом на окно. Через окно можно было вылезти на балкон, а с балкона спуститься по водосточной трубе? Она жила на четвёртом этаже, высота приличная, труба ржавая, но если осторожно...

Она подошла к балконной двери, дёрнула ручку. Заперто. Она никогда не запирала балкон. Ключ торчал в замке снаружи. Она выглянула в щель между шторой и рамой — на балконе никого не было, но ключа в замке не было тоже. Кто-то запер её снаружи.

Она дёрнула дверь сильнее. Бесполезно.

Тогда она вернулась к входной двери и снова посмотрела на обломок ключа. Он всё ещё торчал, как насмешка. Она попыталась вытащить его ещё раз, уже с ножом, поддевая сбоку. Ничего. Тогда она вспомнила про старую швабру в коридоре. Если сломать ручку и использовать как рычаг?

Она схватила швабру, ударила о колено — треск, дерево

раскололось. Острый край она засунула в скважину и надавила. Обломок не шевелился. Она надавила сильнее, и дерево треснуло ещё раз, разлетевшись на куски. Алина отбросила обломки в сторону, села на пол и уставилась в пустоту.

Она не может выйти через дверь. Не может выйти через балкон. Телефон не ловит нормально, окна выходят во двор, кричать бесполезно — соседи не откроют.

Квартира превратилась в клетку.

Но Галина Петровна ждала её. Алина нахмурилась, подошла к двери и приложила ухо к замочной скважине. Тишина. Она снова взяла в руки плоскогубцы — в последний раз, на отчаянную попытку. Сжала обломок, навалилась всем телом. Он чуть-чуть шевельнулся. Она обрадовалась, но в тот же миг металл прокрутился в пазах и ушёл глубже, в самое нутро замка.

Обломок исчез. Теперь дверь вообще нельзя было открыть с внутренней стороны.

Алина уронила плоскогубцы на пол. Она стояла посреди коридора, смотрела на дверь, и в голове пульсировала одна мысль: «Теперь ты не сможешь уйти». Сосед знал. Он знал, что так будет. Он знал, что ключ сломается. Он всё спланировал заранее.

Она отогнала эту мысль. Взяла себя в руки. Собралась. Вышла на кухню, сняла с вешалки куртку, надела ботинки. Потом подошла к балкону, выбила рукой стекло в нижней секции. Замотала руку полотенцем, просунула руку в об-

разовавшуюся дыру, нащупала ручку снаружи и повернула. Дверь открылась.

Балкон встретил её холодным ветром. Она перегнулась через перила, посмотрела вниз — четвёртый этаж, серый двор, пустые скамейки. Труба водосточная, ржавая, в двух метрах от балкона. Если дотянуться...

Она перелезла через перила. Ветер дул в лицо, волосы развевались, руки дрожали. Она ухватилась за трубу, повисла на ней. Труба закрипела, но выдержала. Она начала спускаться, перебирая руками, сантиметр за сантиметром. Третий этаж, второй, первый. Прыжок — и она на земле. Колени подогнулись, она упала в грязь, испачкала джинсы, но была жива. И свободна.

Она встала, отряхнулась и пошла к подъезду.

Внутри было тихо. Она прошла мимо почтовых ящиков, мимо колясок, мимо старого лифта, который не работал уже год. Поднялась на первый этаж, нашла квартиру 3 и постучала.

Дверь открылась почти сразу. Галина Петровна — маленькая, седая, с ярко-синими глазами — стояла на пороге и улыбалась. На ней был цветастый халат, в руках — дымящаяся кружка.

— Проходи, Алёночка, — сказала она. — Я тебя ждала.

Алина перешагнула порог и вдохнула запах старого дома — кошек, борща, пыльных ковров. Галина Петровна закрыла дверь и провела её в маленькую кухню, заставленную фи-

кусами. На столе стоял чайник, две кружки, вазочка с печеньем.

— Садись, рассказывай, — Галина села напротив и сложила руки на столе.

Алина села. Ноги тряслись. Она обхватила кружку, согревая ладони, и начала говорить. Всё по порядку: ключ, голос, стук, запись, шёпот, сломанный замок, балкон. Галина Петровна слушала, не перебивая, только кивала.

Когда Алина закончила, Галина долго молчала. Потом встала, подошла к шкафу, достала старый альбом. Открыла на середине и протянула Алине.

— Посмотри. Это она.

На фотографии была девушка. Молодая, с тёмными волосами, с улыбкой. Алина узнала её — то же лицо, что и на плёнке в квартире Шведова. То же выражение глаз. Она не могла ошибиться.

— Кто это? — спросила Алина, чувствуя, как внутри холодеет.

— Ольга, — сказала Галина Петровна. — Она жила в твоей квартире до тебя. Тоже жаловалась на шум. Тоже звонила мне. А потом — пропала.

Галина вздохнула и поставила чайник на плиту.

— Ты не первая, Алёночка. И не последняя.

Алина смотрела на фотографию. Девушка улыбалась ей с пожелтевшего снимка, и в этой улыбке было что-то знакомое. Что-то, что она видела в зеркале каждое утро.

Она перевернула фотографию. На обороте было написано шариковой ручкой:

«Ольга. Квартира 15. Неделя третья».

Алина посмотрела на Галину Петровну. Та молча наливали чай.

— Где она? — спросила Алина.

Галина не ответила. Она поставила перед Алиной кружку и сказала:

— Иди домой. Уже темно.

Алина встала. Она поблагодарила, но внутри всё кипело. Она вышла из квартиры и направилась к лестнице. Но на первом же пролёте остановилась.

Потому что дверь квартиры 25 на пятом этаже была приоткрыта.

В щели — темнота. И запах старой плёнки.

Алина стояла на лестнице, глядя вверх, на чёрную полосу приоткрытой двери. Ступеньки убегали вверх, и на пятой площадке горела тусклая лампочка, выхватывая из мрака край двери, облупившуюся краску, ржавую ручку.

Она сделала шаг вверх. Потом ещё один. Ноги двигались сами, не спрашивая разрешения. Она поднималась медленно, считая ступени. Третий этаж, четвёртый, пятый.

Она остановилась перед дверью. Щель была шириной в ладонь. Там, внутри, было темно и тихо.

Она прислушалась. И в этом безмолвии родился звук — тонкий, как нитка. Сначала неслышный, потом отчётливый.

Музыка. Та самая, на одной ноте, которую она слышала сквозь потолок.

Алина замерла. Рука сама потянулась к двери. Она коснулась деревянной поверхности — холодной, шершавой. И в этот момент дверь начала открываться.

Медленно. Бесшумно. Как будто кто-то стоял за ней и ждал, когда она сделает первый шаг.

Алина не могла отвести глаз от темноты, которая расширялась и затягивала, как воронка. Она слышала только музыку — тягучую, бесконечную, на одной ноте.

И вдруг музыка оборвалась. Резко, как обрезанная струна. Из темноты донёсся голос. Тот самый. Мужской. Низкий. Он сказал всего одно слово.

— Заходи.

Глава 4

Алина не зашла.

Она стояла перед приоткрытой дверью, смотрела в чёрную щель, и всё внутри кричало: не делай этого. Не сейчас. Не одна. Она отступила на шаг, потом на второй. Потом развернулась и почти побежала вниз, перепрыгивая через ступени, хватаясь за перила, сбивая дыхание. Она бежала, пока не оказалась на первом этаже, у двери Галины Петровны.

Она постучала. Громко, настойчиво, несколько раз. Дверь открылась почти сразу, будто Галина стояла за ней и ждала.

— Я передумала, — выдохнула Алина. — Я не могу одна.

Галина Петровна молча посторонилась, пропуская её внутрь. Алина влетела в прихожую, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах.

— Ты видела её? — спросила Галина, прикрывая дверь.

— Кого?

— Дверь. Квартиры двадцать пять. Она открыта?

Алина кивнула, не открывая глаз.

— Приоткрыта. Я слышала музыку. И голос.

Галина вздохнула, прошла на кухню и села за стол. Жестом показала Алине садиться напротив. Алина опустилась на стул, всё ещё тяжело дыша. На столе стояла та же кружка с недопитым чаем, лежало то же печенье. Галина Петровна

сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела на Алину с выражением, которое трудно было прочесть.

— Я не хотела тебе говорить, — сказала она тихо. — Но раз ты её видела... значит, пора.

Алина подняла глаза.

— Кого? Ольгу?

Галина кивнула.

— Да. Ольга жила в твоей квартире до тебя. Снимала её год назад. Молодая, хорошая девушка, тихая. Работала в библиотеке, кажется, или в архиве — я точно не помню. Она въехала весной, а уже через месяц начала жаловаться на шум сверху.

— Шум? Какой?

— Такой же, как ты описываешь. Грохот по ночам, мебель, шаги. Она приходила ко мне почти каждую неделю, пила чай, плакала. Говорила, что не может спать, что кто-то ходит над ней и не даёт уснуть. Я советовала ей вызвать полицию. Она вызывала. Они приезжали, поднимались на пятый этаж, стучали — никто не открывал. Участковый говорил, что квартира пустует.

— Но она не пустует, — перебила Алина. — Я слышала шаги. Я видела мужчину в домофоне.

Галина медленно кивнула.

— Знаю. Я знаю это уже много лет. Но никто не хочет слушать старуху. Они думают, что у меня деменция, что я выдумываю. А я видела его. И видела их. И слышала — каж-

дую ночь.

— Кого — их? — спросила Алина.

Галина помолчала, опустила глаза. Пальцы её дрожали, когда она взяла кружку и поднесла к губам, но так и не отпила.

— Ольга не уехала, — сказала она. — Она собрала вещи, написала записку соседям, что уезжает к родителям, положила ключи под коврик и исчезла. Я видела, как она выходила из подъезда. С рюкзаком. Она сказала, что вернётся через неделю. Больше я её не видела.

Алина молчала. Пальцы вцепились в край стола.

— Ты говорила с ней в тот день? — спросила она. — Она что-то сказала перед уходом?

Галина подняла глаза. В них стояли слёзы, но она держалась.

— Она сказала: «Я знаю, кто там живёт. Я его видела. Я видела, что он делает».

— Что делает?

— Она не успела сказать. Она ушла, а через неделю её вещи выставили на помойку. Квартира снова сдавалась. Никто её не искал, потому что никто не знал, что она пропала. У неё не было родственников. Она была одна.

Алина смотрела на Галину Петровну, и внутри неё росло холодное, липкое чувство. Она знала, что старуха говорит правду. Она чувствовала это так же, как чувствовала шаги над головой.

— А полиция? — спросила она. — Они искали её?

Галина покачала головой.

— Участковому сказали, что она съехала. Сказали, что аренда закончилась, что она написала заявление. Он не стал проверять. Зачем? Девушка съехала — дело закрыто. Так всегда.

Галина встала, подошла к шкафу и выдвинула нижний ящик. Достала оттуда конверт, старый, пожелтевший, завязанный бечёвкой. Положила его на стол перед Алиной.

— Это её записка. Копия. Оригинал я отдала в полицию, но они его потеряли. У меня осталась ксерокопия. Я храню её уже год.

Алина развязала бечёвку, достала лист бумаги. Текст был написан от руки, каллиграфическим почерком:

«Я уезжаю к родителям. Вернусь через неделю. Ключи под ковриком. Если кто-то будет спрашивать — скажите, что я уехала по личным причинам. Не ищите меня. Мне нужно время. Ольга».

Алина перечитала дважды. Что-то было не так. Слишком официально. Слишком чётко. Будто не Ольга писала, а кто-то за неё.

— Она всегда так писала? — спросила Алина.

Галина покачала головой.

— Она была библиотекарем. Она писала грамотно. Но она никогда не называла родителей — у неё их не было. Она говорила мне, что они умерли, когда она была ребёнком. И у

неё никого не было.

Алина посмотрела на записку. Холодок пробежал по спине.

— Значит, это не она написала.

Галина медленно кивнула.

— Я думаю, это написал он. Тот, кто живёт на пятом этаже. Он хотел, чтобы все думали, что она уехала.

Алина сложила записку и убрала в карман. Она не спросила разрешения, и Галина не возразила.

— Спасибо, — сказала Алина. — Я разберусь.

Она встала. Ноги всё ещё дрожали, но внутри появилась твёрдость, которой не было раньше. Теперь она знала, что не сошла с ума. Теперь у неё была цель.

Она вышла из квартиры и направилась к лестнице. На этот раз она не смотрела вверх. Она поднялась на четвёртый этаж, остановилась у своей двери. Обломок ключа всё ещё торчал из замка. Она провела пальцем по металлу, как по шраму, потом повернулась к лестнице и замерла.

Дверь квартиры 25 была закрыта.

Плотно. Наглухо. Как будто её и не открывали. Никакой щели, никакого света. Только старая краска, облупившаяся, с белыми разводами.

Но на площадке, прямо у порога, лежал предмет.

Старый диктофон. Тяжёлый, чёрный, с потёртым корпусом, с кассетой внутри. На кассете — наклейка, сделанная от руки, шариковой ручкой.

«Ольга. Ночь 43».

Алина наклонилась. Она не хотела брать его. Она знала, что это ловушка, что Шведов ждёт, когда она прикоснётся к его вещам, войдёт в его мир. Но она взяла.

Диктофон был тёплым, будто его только что держали в руках. Она нажала кнопку воспроизведения. Из динамика донеслось шипение, потом — тишина. А потом голос. Женский. Слабый, уставший, как будто человек говорил с последних сил.

«Я здесь уже сорок третью ночь... Он не даёт мне уйти. Он запер меня. Я слышу его шаги над головой, я слышу, как он ходит... Он говорит, что я нарушила тишину... Он сказал, что если я буду кричать — он зашьёт мне рот... Я не могу кричать... Но я стучу... Я стучу каждую ночь... Если кто-то слышит меня... Помогите...»

Запись оборвалась. На той же ноте. Без крика, без вздоха. Просто — тишина.

Алина стояла с диктофоном в руке и смотрела на дверь квартиры 25. Внутри неё что-то оборвалось. Она знала этот голос. Она слышала его на записи, которую сделала ночью. Это была Ольга.

Она была там. Внутри.

За этой дверью.

Алина подошла к двери и постучала. Три удара. Пауза. Ещё три.

И из-за двери, тихо, едва слышно, пришёл ответ. Три уда-

ра. Пауза. Ещё три.

Алина прижалась ухом к холодному дереву. Она слышала дыхание. Чьё-то дыхание за дверью. Неглубокое, прерывистое, как у человека, который боится сделать лишний звук.

Она прошептала в щель:

— Ольга? Ты там?

Тишина.

И потом — шёпот. Женский. Слабее, чем на записи, но такой же настоящий:

«Он придёт. Уходи».

Алина отшатнулась. Сделала шаг назад, потом ещё один. Она смотрела на дверь, на диктофон в своих руках, на тёмную лестницу, ведущую вниз.

Она знала, что должна уйти. Что должна вызвать полицию, приехать с обыском, вскрыть эту дверь.

Но ноги не слушались.

Она стояла и смотрела на дверь. Ждала.

И через минуту за дверью раздались шаги. Тяжёлые. Медленные. Шведов шёл к выходу.

Алина сжала диктофон в руке, повернулась и побежала вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.